

103111
6
мб
ГУСТАВЪ ЭКШТЕЙНЪ.

ВОЙНА
И
БУДУЩЕЕ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
М. РОЗЕНФЕЛЬДЪ.

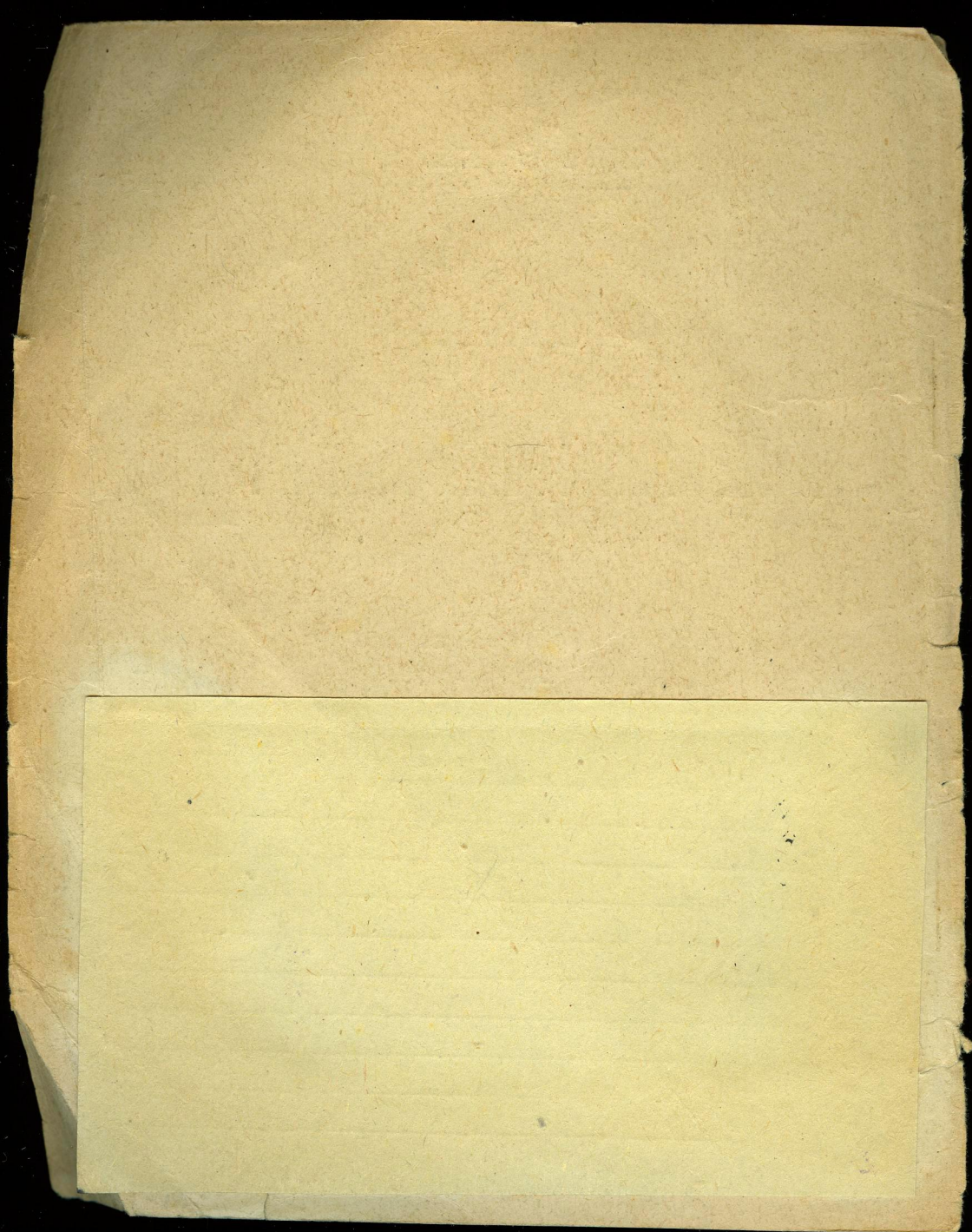
СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
П. П. МАСЛОВА.

МОСКВА.

Цена 60 коп.

Издательство „ДЪЛО“
МОСКВА, Трубная ул., д. 33, кв. 5.

Густавъ Экштейнъ.

ВОЙНА
И
БУДУЩЕЕ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
М. РОЗЕНФЕЛЬДЪ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
П. П. МАСЛОВА.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БИБЛИОТЕКА К. Д. У.
Инв. № 10311

1917 г.

Издательство „ДѢЛО“.

58 64

Типо-лит. Торг. Домъ «И. Ефимовъ, Н. Желудкова и К^о», Б. Якиманка, 32.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По мѣрѣ приближенія войны къ ея концу, все болѣе и болѣе выдвигается и встаетъ огромный и важный вопросъ о народномъ хозяйствѣ послѣ войны.

Война внесла такія измѣненія въ народно-хозяйственную жизнь, внесла столько раззоренія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создала столько новыхъ организацій, которыя или не существовали до войны, или имѣли раньше ничтожное значеніе, внесла столько измѣненій въ организацію производства, въ распредѣленіе національнаго дохода и т. д., что значеніе вопроса о будущемъ народнаго хозяйства едва ли въ достаточной мѣрѣ можно переоцѣнить.

Наибольшія измѣненія въ народномъ хозяйствѣ во время войны произошли въ Германіи не только потому, что тамъ мы видимъ максимальное напряженіе ея силъ въ колоссальной міровой борьбѣ. Измѣненія произошли и потому, что Германія, имѣвшая до войны обширную международную торговлю, теперь, во время войны, болѣе другихъ странъ изолирована англійской

блокадой и поставлена въ совершенно особыя хозяйственныя условія.

Приспосаблиаясь къ новымъ условіямъ, общественные классы Германіи въ различной степени терпятъ лишенія, считая эти лишенія временными, вызванными внѣшней опасностью.

Но прекратится война, лишенія „во имя интересовъ цѣлаго“ потеряютъ свой смыслъ и передъ народнымъ хозяйствомъ встанетъ вопросъ о дальнѣйшей его организаціи и предстоящей „демобилизаци“.

Этотъ вопросъ объ организаціи хозяйства послѣ войны привлекаетъ усиленное вниманіе представителей экономической науки въ Германіи, понимающихъ, какъ важно своевременно учесть и оцѣнить предстоящія перемѣны въ хозяйственной жизни страны и своевременно къ нимъ подготовиться и подготовить ея общественное мнѣніе.

Такого же рода перемѣны—въ большей или меньшей степени—предстоятъ и въ другихъ воюющихъ странахъ.

Поэтому брошюра Густава Экштейна представляетъ большой интересъ не только, какъ попытка соціалъ-демократа освѣтить предстоящія измѣненія въ хозяйственной жизни Германіи и существующіе тамъ взгляды на этотъ вопросъ, но представляетъ и общій интересъ, такъ какъ и въ другихъ странахъ предстоятъ аналогичныя измѣненія въ хозяйственной жизни. При современныхъ хозяйственныхъ международныхъ отношеніяхъ всякія измѣненія хозяйственнаго и соціальнаго строя въ одной странѣ неизбежно отражаются на хо-

заявленномъ и социальномъ строѣ другихъ странъ. Это взаимное вліяніе экономическаго строя капиталистическихъ странъ другъ на друга придаетъ не только теоретическій интересъ социальнымъ опытамъ, которые дѣлаются въ той или другой странѣ.

Прежде, чѣмъ высказаться по существу изложенныхъ Г. Экштейномъ взглядовъ, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ авторѣ.

Умершій 27 іюля н. ст. въ Цюрихѣ Густавъ Экштейнъ былъ членомъ редакціи марксистскаго журнала „Neue Zeit“ и ближайшимъ помощникомъ Каутскаго.

Экштейнъ являлся однимъ изъ немногихъ теоретиковъ германской рабочей партіи, посвятившимъ себя исключительно теоретической литературной и лекторской работѣ и не захваченнымъ организаціонной и политической практикой рабочаго движенія. Здоровое теоретическое чутье спасло его какъ отъ империалистскихъ увлеченій праваго крыла рабочей партіи, такъ и отъ увлеченій крайняго лѣваго крыла, ожидающаго въ ближайшемъ будущемъ полного упраздненія капиталистическихъ отношеній. Его вѣрность основнымъ методологическимъ приѣмамъ марксизма, далекимъ отъ „приснособляемости“ праваго крыла рабочей партіи и отъ утопизма крайнихъ лѣвыхъ, дѣластъ очень цѣнными его соображенія о будущемъ германскаго народнаго хозяйства.

Анализируя перемѣны, происходящія въ экономической жизни Германіи во время войны, Экштейнъ, какъ и другіе, цитируемые имъ, экономисты, не останавливается на томъ, благодаря чему произошли эти пере-

мѣны, являются ли онѣ результатомъ недостаточной приспособленности капитализма къ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявила война къ народному хозяйству Германіи, или, напротивъ, эти измѣненія происходили благодаря тому, что господствующіе классы оказались слишкомъ сильны и государственный, „военный социализмъ“, правильнѣе, каторжный социализмъ Германіи служить признакомъ ихъ силы.

Если бы Экштейнъ остановился на этой сторонѣ вопроса, то, по нашему мнѣнію, онъ долженъ былъ бы прійти къ нѣскольکو другимъ выводамъ, болѣе конкретнымъ, чѣмъ тѣ, которые онъ сдѣлалъ.

Война потребовала отъ Германіи такъ же, какъ и отъ другихъ государствъ, необычайнаго напряженія экономическихъ силъ. Требовались колоссальные расходы на армію. Чтобы покрыть эти расходы, было необходимо или огромное и высокое обложеніе имущихъ классовъ, которое должно было поглотить не только ихъ прибыли, но и часть основного капитала, или требовалось переложеніе военныхъ расходовъ на неимущіе и малоимущіе классы, не имѣющіе достаточной политической силы для сопротивленія такому переложенію на нихъ военной тягости.

Прусское юнкерство и руководящіе промышленные и финансовые круги оказались достаточно сильными, чтобы не только переложить почти всю тяжесть военныхъ расходовъ на малоимущіе классы, но и получать повышенную прибыль благодаря „благопріятной военной конъюнктурѣ“. При сокращеніи потребленія всего гражданского населенія, при разореніи промежуточныхъ

VI

среднихъ классовъ, покрывая на ихъ счетъ колоссальные военные расходы, прусское юнкерство, крупные промышленники и банкиры наживали огромные барыши.

Естественно, что при такомъ положеніи дѣла для сохраненія не только всей системы капиталистическаго строя въ Германіи, не только для сохраненія основнаго капитала въ рукахъ юнкеровъ и промышленниковъ, но и для сохраненія повышенныхъ прибылей этихъ группъ пришлось прибѣгнуть къ каторжному социализму для избѣжанія острой голодовки среди народныхъ массъ.

При томъ распредѣленіи національнаго дохода, которое создано въ Германіи во время войны, иного выхода не было. Тотъ фактъ, что при огромныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ войной къ народному хозяйству, наиболѣе сильнымъ (экономически и политически) группамъ удалось сохранить въ цѣлости свое богатство и даже приумножить его, показываетъ, насколько оказалась сильна капиталистическая организація.

Въ русскихъ газетахъ получило извѣстіе, что въ Германіи предполагается общая милитаризація труда. Въ этихъ сообщеніяхъ изъ германской печати говорится „о необходимости созданія, на ряду съ полевой, также и съ тыловой арміи, въ которую будутъ привлечены и женщины“. Всѣ эти данныя говорятъ за то, что „военный социализмъ“ Германіи есть лишь временное средство при общемъ разореніи страны сохранить максимумъ экономической силы и матеріальныхъ средствъ

VIII

въ рукахъ наиболѣе экономически сильныхъ общественныхъ группъ.

Естественно, что при такомъ положеніи регулированіе потребленія и производства вызвано не слабостью этихъ группъ, а ихъ силой, ибо подъ предлогомъ спасенія страны германскіе правящіе круги такимъ образомъ спасаютъ свое состояніе.

Разсматривая подъ этимъ угломъ зрѣнія современную хозяйственную организацію Германіи, Экштейну и его единомышленникамъ пришлось бы съ еще большей осторожностью, чѣмъ это дѣлается, отнестись къ этой организаціи.

Организація хозяйства во время войны оказывается организаціей, приспособленной специально для покрытія военныхъ расходовъ за счетъ экономически наиболѣе слабыхъ классовъ.

Благодаря огромному значенію, которое приобрѣла война въ глазахъ всей массы населенія и которое она, несомнѣнно, имѣетъ, вниманіе широкихъ круговъ населенія было отвлечено отъ методовъ покрытія военныхъ расходовъ и отъ послѣдствій для него при примѣненіи такихъ методовъ. Германское хозяйство, какъ и хозяйство другихъ воюющихъ странъ, приспособилось не къ болѣе правильному распредѣленію національнаго дохода, а къ наиболѣе неправильному его распредѣленію. И такъ какъ это происходило при абсолютномъ сокращеніи предметовъ потребленія, то въ правильномъ, равномерномъ распредѣленіи того, что оставалось и остается для потребленія населенія заинтересованы и тѣ классы, которые получаютъ высокія

прибыли, классы, которые во время войны наживаются. Ибо только при такой системѣ распредѣленія того, что остается для потребленія населенія, оно мирится съ системой распредѣленія національнаго дохода. Иными словами, *правильное распредѣленіе предметовъ потребленія въ Германіи является необходимымъ условіемъ для наиболѣе неравномѣрнаго распредѣленія національнаго дохода*, для сохраненія высокихъ прибылей. Поэтому каторжный социализмъ въ Германіи существуетъ не вопреки интересамъ господствующихъ тамъ классовъ, а во имя ихъ основныхъ интересовъ, при ихъ поддержкѣ.

Это очень важно принять во вниманіе при анализѣ тѣхъ хозяйственныхъ явленій, которыя происходятъ въ Германіи. И очевидно, что когда вѣдательство государства въ регулированіе хозяйственныхъ отношеній Германіи окажется противорѣчащимъ основнымъ интересамъ господствующихъ тамъ группъ, они станутъ оказывать огромное сопротивленіе. Но, съ другой стороны, раззореніе страны при обогащеніи незначительной группы населенія повело къ раззоренію, пролетаризаціи огромной части мелкой и средней буржуазіи, той средней группы, которая своей численностью и общественнымъ индифферентизмомъ поддерживала господствующія тамъ группы юнкерства и представителей крупнаго капитала. Для этихъ обширныхъ группъ населенія каторжный социализмъ, введенный въ Германіи, вовсе не явится соблазнительнымъ, такъ какъ онъ беретъ у нихъ все, а не даетъ ничего „Frankfurter Zeitung“ отъ 7 ноября, комментируя проектъ при-

нудительной рабочей повинности, говорить, что планъ фактически является грандіознымъ экспериментомъ организаціи „государства будущаго“, ибо онъ регулируетъ всю хозяйственную жизнь страны и представляетъ государству право распоряжаться по своему усмотрѣнію каждымъ частнымъ предпріятіемъ. Подобный опытъ, предпринимаемый великой державой, является безпримѣрнымъ въ исторіи“. Исползованію этого грандіознаго эксперимента послѣ ликвидаціи войны будетъ оказано сопротивленіе съ двухъ сторонъ— и справа, и слѣва. Рабочая демократія, поддержанная выбитыми изъ прежняго устойчиваго положенія элементами средней буржуазіи, не можетъ примириться съ каторжнымъ социализмомъ, какъ средствомъ повышения долга господствующимъ классамъ при распредѣленіи національнаго дохода; не можетъ примириться съ увеличеніемъ доли капитала на счетъ интенсивнаго исползованія національнаго труда. Съ другой стороны, только въ этихъ цѣляхъ господствующіе классы общества дѣлаютъ грандіозный социальный экспериментъ и постараются разрушить его, какъ только найдутъ его для себя невыгоднымъ.

Но борьба за распредѣленіе національнаго дохода при такихъ обстоятельствахъ приводитъ неизбѣжно къ борьбѣ за власть между демократіей Германіи и ея господствующими классами аграріевъ и промышленниковъ. Такимъ образомъ, вопросъ будущаго народнаго хозяйства Германіи тѣсно связанъ съ вопросомъ о демократизаціи ея государственнаго строя и рѣшается въ связи съ соотношеніемъ силъ въ двухъ крайнихъ ла-

XI

геряхъ организованной политической борьбы въ Германіи.

Намъ кажется, что промежуточные слои населенія Германіи, такъ много потерявшіе во время войны, будутъ противъ „государственного социализма“, организованнаго во время войны, поскольку онъ стремится увеличить долю крупнаго капитала насчетъ доли другихъ классовъ общества. Это поможетъ демократизаціи политическаго строя въ Германіи. Это вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ повести и къ нѣкоторымъ кореннымъ реформамъ, къ переходу нѣкоторыхъ отраслей промышленности и нѣкоторыхъ предпріятій въ руки государства. Но слишкомъ мало основаній ожидать, что вмѣшательство государственной власти Германіи во всѣ стороны хозяйственной жизни, которое теперь происходитъ, сохранится въ такихъ же размѣрахъ и послѣ войны. Средніе классы, крестьянство, въ союзѣ съ крупной буржуазіей и аграріями, не помирятся съ мѣрами, вызванными крайней нуждой, не помирятся, чтобы эти мѣры послѣ войны были направлены противъ нихъ, т.-е. чтобы „военный социализмъ“ перешелъ просто въ социализмъ. Для этихъ классовъ, которые будутъ имѣть огромное значеніе въ борьбѣ за власть, пока приемлема только „программа минимумъ“ социалистовъ съ тѣми добавленіями, которыя вытекаютъ изъ вновь создавшихся социальныхъ отношеній, главнымъ образомъ, въ области расширенія государственной власти на сферу дѣятельности банковаго капитала, международной торговли и наиболѣе крупныхъ предпріятій, концентрировавшихъ все производство въ немногихъ рукахъ. Во всякомъ

XII

случаѣ, какъ правильно указываетъ и Экштейнъ, обостреніе политической и соціальной борьбы въ Германіи въ недалекомъ будущемъ является неизбѣжнымъ, и ея соціально-политическій строй потерпитъ значительныя измѣненія, благодаря обострившимся за время войны соціальнымъ противорѣчіямъ.

П. Масловъ.

1. Общественно-организованное хозяйство для удовлетворения потребностей и социализмъ.

Съ боевымъ словомъ «военный социализмъ», которое одно время сильно волновало марксистовъ, опять стало совсѣмъ тихо, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въдѣ примѣняемые въ настоящее время методы продовольствія населенія (а къ нимъ-то, какъ это ни странно, главнымъ образомъ, и примѣнялось это выраженіе), пользуются столь малой популярностью, что способны только компрометировать идею социализма, если ихъ выдавать за «социалистическія». Да и фактически онѣ весьма далеки отъ всякаго социализма. Социалистическая продовольственная политика въ томъ смыслѣ, какъ слово социализмъ понималось до войны, должна была бы, главнымъ образомъ, стремиться къ тому, чтобы производство жизненныхъ продуктовъ было приспособлено къ потребностямъ населенія, что, разумѣется, не можетъ быть сдѣлано сразу. При данныхъ же условіяхъ производства она должна была бы позаботиться о томъ, чтобы возможно полнѣе удовлетворить потребности населенія тѣмъ количествомъ продуктовъ, которое имѣется налицо. Для этого недостаточны тѣ мѣры, которыя такъ часто предлагаются и отчасти уже примѣняются нынѣ, какъ, напр.: установленіе твердыхъ цѣнъ (такъ) и право реквизицій, осуществляемые общинами, если бы одновременно не дѣлались рѣшительные шаги, дающіе возможность значительно понижать эти максимальныя цѣны.

Конфискація государствомъ земельной ренты есть не только старое требованіе многихъ сторонниковъ земельной реформы, полагающихъ, что этимъ они уже «разрѣшили социальный вопросъ». Ее требовалъ еще «Коммунистическій манифестъ», какъ мѣра, которая толкаетъ къ дальнѣйшимъ мѣрамъ, выходящимъ за ея собственные предѣлы, и которая въ то же время приноситъ и непосредственную практическую пользу. Если бы, напримѣръ, государство во время войны наложило свою руку на арендную плату и проценты по ипотекамъ, оно могло бы понизить на эту сумму цѣну жизненныхъ продуктовъ, продажу которыхъ оно монополизировало. Тогда населеніе не уплачивало бы, при покупкѣ каждаго фунта муки или сала, дани въ пользу землевладѣльцевъ. Конечно, сразу же очевидно, что такая рѣшительная мѣра неизбѣжно предполагаетъ полное измѣненіе политическаго соотношенія силъ и должна имѣть своимъ послѣдствіемъ полное преобразование современнаго социальнаго строя. При существующихъ же условіяхъ ни о чемъ подобномъ, разумѣется, нечего думать. Вотъ почему именно въ области продовольствія не видно и намекъ на проведеніе социалистическихъ принциповъ, и говорить о социализмѣ, въ связи съ продовольственной политикой правительства, значить только вводить въ заблужденіе.

Тѣмъ не менѣе, вопросъ, который неоднократно задается теперь и со стороны буржуазіи: «приближаетъ ли насъ война къ социализму?» — безусловно не является празднымъ. Въ своей интересной статьѣ¹⁾, помѣщенной въ первомъ номерѣ издаваемыхъ профессоромъ Грюнбергомъ «Архивовъ по исторіи социализма и рабочаго движенія», вышедшемъ весной 1915 года, профессоръ Баллодъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Больше того, онъ полагаетъ даже, что только нѣкоторые экономисты болѣе старой школы еще

¹⁾ Karl Ballod „Einiges aus der Utopien-literatur der letzten Jahre“ („Archiv für die Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung“. Heft 1, 1915, S. 114).

отказываются признать правильнымъ взгляды, согласно которымъ индивидуалистическій принципъ въ народномъ хозяйствѣ отжилъ свой вѣкъ, и государство должно взять на себя регулирование народнаго хозяйства. Зато профессоръ Лифманъ¹⁾ столь же категорически отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. При этомъ онъ полемизируетъ, главнымъ образомъ, со статьями профессора Яффе, помѣщенными въ «Военныхъ номерахъ», издаваемыхъ послѣднимъ «Архивомъ социальныхъ наукъ и социальной политики»²⁾.

Чтобы занять опредѣленную позицію въ этомъ вопросѣ, нужно прежде всего точно выяснитъ, о чемъ идетъ рѣчь, и ясно разграничить понятія смѣшеніе которыхъ въ спорахъ, ведущихся до сихъ поръ, уже произвело довольно большую путаницу.

Цѣлью хозяйства является удовлетвореніе потребностей. Но не всегда удовлетвореніе потребностей есть непосредственная цѣль, которую имѣютъ въ виду лица, управляющія производствомъ и товарообѣномъ. Въ крестьянскомъ, такъ-называемомъ, «замкнутомъ натуральномъ хозяйствѣ», въ которомъ семья сама производила почти все необходимое для удовлетворенія потребностей ея членовъ, производство планомерно регулировалось главой семьи такимъ образомъ, чтобы производились именно тѣ продукты и въ томъ количествѣ, какіе нужны были данному хозяйству. Въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ мы наблюдаемъ уже другую картину. Здѣсь не потребность членовъ семьи въ извѣстныхъ продуктахъ опредѣляетъ производство, а

¹⁾ Robert Liefmann „Bringt uns der Krieg dem Sozialismus näher?“ (Politische Flugschriften „Der Deutsche Krieg“, herausgegeben von E. Jaechhi, Heft 56, 1915, Deutsche Verlagsanstalt).

²⁾ Edgar Jaffé „Der treibende Faktor in der Kapitalistischen Wirtschaftsordnung“, „Die Militarisierung unseres Wirtschaftslebens“ und „Entgegnung auf den offenen Brief von E. H. Kaemmerer“. (Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, S. 3, 511 и 555).

доходность. Производятся тѣ продукты, за которые можно получить наиболѣе высокую, по сравненію со стоимостью производства, рыночную цѣну. Прибыль, получаемая такимъ образомъ, является той цѣлью, въ соотвѣтствіи съ которой и регулируется все производство. Разумѣется, достиженіе этой цѣли предполагаетъ наличность спроса на производимые продукты, т.-е. послѣдніе должны удовлетворять дѣйствительную общественную потребность. Но руководители крестьянскихъ хозяйствъ совершенно не знаютъ—или, по крайней мѣрѣ, имъ нѣтъ нужды знать—чи потребности удовлетворяются продуктами, производимыми въ ихъ хозяйствахъ. Для нихъ имѣетъ значеніе только ихъ собственная прибыль, а не удовлетвореніе той или другой общественной потребности.

Разумѣется, на практикѣ разграничительная линія между этими двумя типами хозяйства не такъ рѣзка, какъ въ теоріи. Замкнутыя натуральныя хозяйства тоже продаютъ иногда часть своихъ продуктовъ и даже могутъ производить нѣкоторые изъ своихъ продуктовъ со специальной цѣлью продажи. Съ другой стороны, современный крестьянинъ производитъ отчасти для удовлетворенія собственныхъ потребностей, и одни и тѣ же продукты могутъ, въ зависимости отъ условій рынка, отъ срока взноса податей и т. д., служить либо товаромъ, продаваемымъ на рынкѣ, либо предметомъ потребленія въ собственномъ хозяйствѣ.

Исторически тоже существуютъ многочисленные переходныя ступени между этими двумя типами хозяйства. Въ средневѣковыхъ барщинныхъ имѣніяхъ помѣщики или управитель регулировали производство въ соотвѣтствіи съ потребностями помѣстья. Если хозяйство было большое, происходило извѣстное раздѣленіе труда: вырабатывались специалисты-рабочіе, которые изготовляли только земледѣльческія орудія, или только ткани, одежду, обувь и т. д. (первоначально тоже исключительно въ рамкахъ этого замкнутого натурального хозяйства и по распоряженію его руководителя), а за это получали свою долю изъ продуктовъ труда остальныхъ.

Чѣмъ больше эти спеціалисты-рабочіе приближались къ самостоятельнымъ ремесленникамъ, тѣмъ въ большей степени ихъ сношенія съ остальными членами хозяйства принимали форму товарообмѣна и тѣмъ больше ихъ производство становилось независимымъ отъ указаній и распоряженій руководителя хозяйства. Ремесленникъ научился постепенно считаться не съ потребностями какой-либо общины, а съ той прибылью, которую онъ могъ получить отъ продажи своихъ товаровъ на рынкѣ.

Какъ уже видно изъ примѣра барщиннаго помѣстья, натуральное хозяйство, т.-е. хозяйство для удовлетворенія собственныхъ потребностей, отнюдь не предполагаетъ непременно, что потребности *всѣхъ* членовъ хозяйства въ одинаковой мѣрѣ опредѣляютъ собой производство. Напротивъ, фактически большей частью происходило обратное. Даже въ предѣлахъ натурального хозяйства эксплуатація и классовыя противорѣчія не только возможны, но до сихъ поръ составляли общее правило. Рабство, на примѣръ, возможно какъ въ натуральномъ, такъ и въ товарномъ хозяйствѣ. Точно такъ же и частная собственность на средства производства не является характернымъ отличительнымъ признакомъ для этихъ двухъ типовъ хозяйства. Въ средневѣковомъ феодальномъ хозяйствѣ, на примѣръ, крестьяне зачастую имѣли полныя права собственности какъ на обрабатываемую ими землю, такъ и на земледѣльческія орудія и скоть. Тѣмъ не менѣе, хозяйство, въ составъ котораго они входили, было натуральнымъ хозяйствомъ. Ибо оно было организовано въ интересахъ удовлетворенія потребностей самихъ крестьянъ и помѣщика феода путемъ производства всѣхъ необходимыхъ предметовъ потребленія. Крестьяне обладали правомъ собственности на средства производства, но не правомъ свободно распоряжаться ими. Въ этомъ отношеніи они были ограничены предписаніями помѣщика.

Форма обмѣна продуктовъ труда тоже не является отличительнымъ признакомъ. Разумѣется, товарообмѣнъ состав-

вляеть необходимую предпосылку товарнаго хозяйства. Но въ каждомъ болѣе крупномъ (Gewinnwirtschaft) хозяйствѣ, гдѣ проведенъ принципъ раздѣленія труда, обмѣнъ продуктовъ труда между членами хозяйства является необходимою, и даже въ натуральномъ хозяйствѣ онъ можетъ принимать тѣ же формы, въ какихъ товарообмѣнъ происходитъ нынѣ. Вспомнимъ, на примѣръ, многочисленныя социалистическія утопіи отъ временъ Оуэна до нашихъ дней, согласно которымъ распредѣленіе продуктовъ должно происходить въ зависимости отъ затраченнаго труда и черезъ посредство «трудовыхъ купоновъ». Отъ современнаго товарообмѣна эта форма товарообмѣна существеннымъ образомъ отличается тѣмъ, что здѣсь товары производятся на основаніи заранѣе опредѣленнаго плана для удовлетворенія общественныхъ потребностей, и потому задача сводится, главнымъ образомъ, только къ доставкѣ ихъ труда, гдѣ въ нихъ имѣется надобность. Между тѣмъ въ настоящее время продукты труда отдѣльныхъ производителей производятся какъ товары, т.-е. безъ заранѣе опредѣленнаго общаго плана, а только съ цѣлью выручить прибыль при ихъ продажѣ. Слѣдовательно, рѣшающее значеніе имѣютъ не формы обмѣна, а вопросъ, ведется ли производство для удовлетворенія опредѣленныхъ потребителей, или для полученія возможно большей разницы между стоимостью производства и продажной цѣной, т.-е. что является путеводной звѣздой и цѣлью: производство ли потребительныхъ цѣнностей или мѣновыхъ.

Какъ важно именно это различіе, особенно ясно видно теперь. Теперь очень много говорятъ объ организаціи экономической жизни, но забываютъ, что вопросъ можетъ идти здѣсь о двухъ совершенно различныхъ вещахъ, имѣющихъ, правда, много внѣшняго сходства. На примѣръ, когда синдикатъ регулируетъ производство и продажу опредѣленнаго товара, онъ дѣлаетъ это съ цѣлью по-возможности увеличить свою прибыль. То же самое дѣлаетъ и государство, когда оно, на примѣръ, изъ чисто фискальныхъ сооб-

раженій участвуетъ въ синдикатѣ или замѣняетъ косвенныя налоги монополіей. Но существенно иное значеніе имѣетъ вмѣшательство и регулированіе государствомъ процесса производства и товарообмѣна съ цѣлью удовлетворенія своей собственной потребности въ извѣстныхъ предметахъ. Въ этомъ случаѣ государство дѣйствуетъ, можетъ быть, фактически тоже въ пользу капиталистовъ. Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь оно прибѣгаетъ къ этимъ мѣрамъ отнюдь не для того, чтобы непосредственно увеличить свои доходы или доходы капиталистовъ. Напримѣръ, когда во время революціи государство регулируетъ производство оружія и боевыхъ припасовъ, оно дѣлаетъ это, конечно, съ цѣлью спасти отъ гибели капитализмъ и систему эксплуатаціи, но не для того, чтобы увеличить при помощи этихъ мѣръ свои собственные доходы или доходы оружейныхъ заводовъ.

Такимъ образомъ, одно констатированіе, что война привела насъ къ гораздо большей организованности экономической жизни, еще ничего не говоритъ намъ. Чтобы выяснить, въ какомъ направленіи толкается война нашу экономическую жизнь, мы должны прежде всего задать себѣ два вопроса: 1) приближается ли хозяйство военного времени къ типу натурального хозяйства, т.-е. къ общественно-организованному хозяйству для удовлетворенія потребностей (Bedarfsdeckungswirtschaft); и 2) будетъ ли движеніе въ этомъ направленіи продолжаться и послѣ заключенія мира? И только въ случаѣ положительнаго отвѣта на эти два вопроса, мы можемъ и должны изслѣдовать, идетъ ли движеніе также въ томъ направленіи, чтобы уничтожить эксплуатацію и упразднить классы въ этомъ новомъ видоизмѣненномъ натуральномъ хозяйствѣ. Ибо только такое общественно-организованное хозяйство для удовлетворенія потребностей, въ которомъ не будетъ ни эксплуатаціи, ни классовъ, можетъ быть названо социалистическимъ.

2. Хозяйство военного времени.

Итакъ, спросимъ себя прежде всего, приблизила ли война наше народное хозяйство къ типу натурального хозяйства? Надо поставить въ заслугу Отто Нейрату, что онъ уже до войны указывалъ на эту возможность въ рядѣ статей, на которыя тогда обратили слишкомъ мало вниманія ¹⁾. Достаточно представить себѣ на мгновеніе, что и во время войны въ народномъ хозяйствѣ всецѣло господствовала бы прославленная «свободная игра силъ», то-есть свободная конкуренція, чтобы увидѣть, что въ такомъ случаѣ былъ бы неизбеженъ общій немедленный крахъ. Интендантство должно было бы тогда покрывать всѣ свои потребности на вольномъ рынкѣ, то-есть вынуждено было бы платить баснословныя цѣны, чтобы одержать побѣду надъ частной конкуренціей. Достаточно подумать, напримѣръ, о закупкѣ лошадей въ такое время, когда сельскимъ хозяевамъ лошади нужны для уборки урожая. Въ то же время государству необходимо было бы удерживать внутри страны противъ конкуренціи заграницы сырые матеріалы, нужные для веденія войны, какъ мѣдь, каучукъ, бензинъ и т. д. и опять-таки оно могло бы это дѣлать, только предлагая чудовищныя цѣны. Каковы были бы результаты «свободной конкуренціи», это мы уже видѣли отчасти, когда въ самомъ началѣ войны различныя интендантства одно время конкурировали между собой на продовольственномъ рынкѣ, наперебой вдувая цѣны.

Еще хуже обстояло бы дѣло съ продовольствіемъ гражданского населенія. Первые недѣли послѣ начала войны показали, къ какому безумному росту цѣнъ способна привести «свободная игра силъ» въ дни паники. Безъ энергичнаго вмѣшательства государственной власти положеніе дѣлъ не-

¹⁾ См., напримѣръ, статью „Die Kriegswirtschaft“ въ „Jahresbericht der Neuen Wiener Handelsakademie“, Wien, 1910.

улучшилось бы въ дальнѣйшемъ, а стало бы только еще гораздо хуже. И какъ было бы использовано бѣдственное положеніе рабочаго класса, если бы рабочіе не нашли себѣ поддержки въ установленіи таксъ, въ казенныхъ пособіяхъ и во внимательствѣ властей. Но не только цѣны и заработная плата сдѣлали бы неслыханные скачки; самое производство совершенно пріостановилось бы безъ регулирующаго внимательства государства и различныхъ промышленныхъ и торговыхъ организацій.

Много смѣялись надъ социалистами, которые предсказывали крахъ капитализма, когда разразилась война. Они, дѣйствительно, ошиблись. Но ихъ ошибка заключается не въ томъ, въ чемъ видитъ ее большинство ихъ нынѣшнихъ критиковъ. Если бы капитализмъ при началѣ войны былъ предоставленъ самому себѣ, онъ сразу же потерпѣлъ бы крушеніе и похоронилъ подъ своими развалинами государственную власть.

Эти социалисты недооцѣнили не жизнеспособность капиталистической системы хозяйства, а лишь способность ея приспособиться къ требованіямъ и организаціонному строю хозяйства для удовлетворенія потребностей. Сколько разъ до войны мы слышали даже отъ социалистовъ, что нашъ экономическій строй еще далеко не созрѣлъ для социализаціи, что капитализмъ еще не сыгралъ своей роли, еще далеко не выполнилъ своей исторической миссіи, что техническія и организаціонныя предпосылки для будущаго строя далеко еще не имѣются налицо, и что господство пролетаріата неизбежно привело бы лишь къ краху. Событія послѣдняго года доказали обратное. Будь пролетарское правительство достаточно сильно, чтобы выступить такъ диктаторски, какъ нынѣ выступаетъ военная власть, тогда матеріальныя и организаціонныя предпосылки были бы налицо для созданія въ кратчайшій срокъ общественно-организованнаго хозяйства для удовлетворенія потребностей въ крупномъ масштабѣ.

Это доказала даже не столько продовольственная поли-

тика правительства, которая включает (кроме занявших главное место установления максимальных цен и ограничения потребления хлебных продуктов) также правила о размолѣ зерна, о печеніи хлѣба, о винокурении, пивоварении, производствѣ колбасъ, убоѣ скота и т. д. Гораздо большее значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ энергичное и далеко идущее вмѣшательство государственной власти въ общій процессъ производства и товарообмѣна. Вспомнимъ, напримѣръ, дѣятельность отдѣла сырья съ его обширными статистическими изслѣдованіями, вспомнимъ поощряемое правительствомъ учрежденіе сырьевыхъ комитетовъ для опредѣленія потребности въ сырьѣ арміи и промышленности и для распредѣленія сырья между производителями. Вспомнимъ реквизицію кожи, металловъ, резины, прекращеніе частнаго автомобильнаго движенія, государственное поощреніе изобрѣтеній, устройство съ государственной помощью новыхъ заводовъ при условіи принятія на себя владѣльцемъ извѣстныхъ производственныхъ обязательствъ; вспомнимъ полную революцію транспортнаго и кредитнаго дѣла вслѣдствіе государственнаго вмѣшательства. Всякій, вспомянувъ все это, долженъ будетъ признать, что мы являемся свидѣтелями великаго переворота во всей нашей экономической жизни.

Но прежде всего не надо забывать, какую глубокую перемѣну во всю нашу экономическую жизнь внесло уже одно то, что государство выступило въ качествѣ потребителя въ такихъ размѣрахъ, о какихъ раньше никто никогда не помышлялъ. Очень значительная и какъ разъ важнѣйшая часть индустріи и значительная часть сельскаго хозяйства работаютъ нынѣ не на рынокъ, а на заказъ для государства. Разумѣется, работа на заказъ еще отнюдь не означаетъ общественно-организованнаго хозяйства для удовлетворенія потребностей. Но если заказчикъ-потребитель обладаетъ силой и желаніемъ къ тому, чтобы предписывать производителямъ условія труда, выборъ сырья, цены на сырье и готовые издѣлія, тогда безусловно имѣется налицо

приближеніе къ этому типу хозяйства. И если въ настоящее время подобное вмѣшательство государства не происходитъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ мы видимъ на дѣлѣ, то причина лежитъ отнюдь не въ техническихъ или организаціонныхъ препятствіяхъ, а, главнымъ образомъ, въ препятствіяхъ социальныхъ и политическихъ.

Конечно, было бы совершенно ошибочно назвать эти новыя формы хозяйства социалистическими только на томъ основаніи, что онѣ находятся въ противорѣчій съ привычными капиталистическими формами. Самую прибыль правительственныхъ мѣропріятій нисколько не затрагиваютъ. Правда, многіе капиталисты встрѣчаютъ препятствіе въ своемъ стремленіи къ безудержной наживѣ. Но балансъ многочисленныхъ акціонерныхъ обществъ ясно показываетъ, несмотря на различныя искусственныя манипуляціи, что нажива процвѣтаетъ и нынѣ—и даже въ большей степени, чѣмъ когда-либо раньше. Болѣе того: можно сказать, что ограниченіе аппетитовъ промышленниковъ посредствомъ правительственныхъ мѣропріятій было необходимо въ интересахъ самосохраненія капиталистическаго общества, которое иначе рухнуло бы, то-есть, что оно было необходимо въ интересахъ сохраненія самой прибыли.

Не въ опасности для прибыли заключается принципиально новое въ экономическихъ военныхъ мѣрахъ правительства, а въ сознательномъ отказѣ отъ принципа, что стремленіе предпринимателей къ прибыли является наилучшей гарантіей удовлетворенія экономическихъ потребностей ¹⁾. На мѣсто экономической анархіи появляется созна-

¹⁾ Въ своей послѣдней брошюрѣ профессоръ Лифманъ снова подчеркиваетъ то положеніе, которое онъ записалъ и раньше: „Личное стремленіе къ барышу является тѣмъ организаціоннымъ принципомъ, который наиболѣе совершеннымъ образомъ даетъ, въ общемъ, возможность каждому человѣку получить свою долю жизненныхъ благъ, соответствующую его работѣ для другихъ“. Какъ ни чудовищна эта фраза, какъ ни вызывающе она должна звучать особенно для рабочихъ, ко-

тельное, планомерное и единообразное регулирование хозяйства во имя удовлетворения потребностей государства. Доля производимых богатств, достигаемая при этом господствующими классами, может быть даже больше, чем раньше. Но она перестает быть регулятором производства.

Поэтому неправильно следующее утверждение Яффе:

«Там, где изгнана свободная конкуренция, где на место частной монополии вводится монополия общественная, там исчезает предпринимательская прибыль, конфискованная в пользу общества. Но там и капитализм умер, ибо живет он только предпринимательской прибылью. Съ нею и ради нея он возник — съ нею он должен уйти со сцены».

Разумется, предпринимательская прибыль, как таковая, перестает существовать там, где нет больше конкуренции, а есть только государственная монополия, и там капитализм умер. Но это не означает непременно, что плоды труда будут там доставаться самим производителям ¹⁾, что уничтожены эксплуатация и классовое господство. Яффе приходит к этому своему взгляду потому, что для него государство есть некое мистическое, стоящее над классами, существо, которое чувствует, по крайней мере, внутреннюю потребность олицетворять собой вечную справедливость ²⁾.

торые за изнурительный труд получают едва достаточно для жалкого существования, оригинальной ее нельзя назвать. Вот уже сто лет апостолы гармонии все стремятся доказать, что для общего блага не может быть ничего лучшего, как если каждый капиталист охотится за прибылью.

¹⁾ Право отдельного производителя на полную выручку своего труда есть реакционная утопия. Для всех же вместе это — основное социалистическое требование.

²⁾ Насколько своеобразны взгляды профессора Яффе в этом отношении, ясно всего видно из статьи, написанной им для большого сборника иллюзий — книги „Рабочий класс в новой Германии“ („Die Arbeiterschaft im neuen Deutschland“,